

Еще более замечательно то, что подпольная организация была создана и осуществила боевые действия в течение трех недель и очень быстро даже то это было самое эффективное по своим результатам: кампанию уничтожения франшиз и целью взрывавшихся на свободу узников.

О восстании в лагере смерти Собидар и о моем участии в нем описано в "Серой книге" И. Эрн-Бурга и ряде других книг. Создано несколько фильмов в СССР, ~~Бразилии~~ Голландии, Франции и США.

Спогади в'язня Сирецького концтабору
Гайвана Олександра Давидовича

Во время оккупации г. Киев
фамилией я был уроженец
матери на Печеле, и где-бы не
помню в Германию попал в 3-й
участке на чл. Емской уездной-ток.
За работами на работе был арестован
и после избиения в концлагере
отправлен в Сирецкий конц-лагер.
Пробыв там где-то около 2 месяцев
я был освобожден по смене
служебной и попал в Сирецку
в направлении на биржу труда
направлением на работу
которая отправлена меня на биржу
участком токаря на авто-рем. завод
Германии. Вызван по чл. француз
(Селизне там шлюховий Комбатант),
где и проработал до 5. 9. 43г.
Селизне после ареста не все
помню, но многие события тех лет
воскресают в памяти.
28. 6. 43г. в лагере мне сообщили
18 лет и накинута был побег из
и Коммунистического лагеря Радомири
встретил все заключенных и вывел
из строя, грездя одного заключенного
разгребая большую группу месяцев.
В лагере в то время было примерно
около 200 человек.
(см. пред 1

Казначейство привозили душегубки и
расстреливали и в лагере и вне лагеря.
В конце Лукьяновского кладбища была
большой противотанковый ров, там же
шли в ночь цинцы на краю которого
и расстреливали живых немцев и заложных
тех которые привозили в душегубках
уже мертвых, похитивших, отравленных
и т.д.

Веткиливали из душегубок, заложных
заключенные и в конц-лагерь.
(сейчас на том месте иной-иной ценоверья
ниговична бригад).

В лагере я работал в столовой
бригаде и возможно потому и оштра-
фован, что лагерь строился.

Бригадиром был Великий Петр Понков
говорили, что он это-то естроим немцами
в Киеве и проворовался.

Когда судили бригадиром Сырцко
Конц-лагерь то меня вызвали в
Военный трибунал (УС-500) по делу

как свидетеля по делу бригадиром
Великого П.И. и где мои показания
Нико помагате сохранились до сих
пор.

После освобождения г. Киева от
фашистов я долго лежал от работы
в лагере и был освобожден от
всех обязанностей

(см. пред.).

Многого позабыто уж и очень туманно
вспоминать, но некоторые события
очень ярко запомнились в памяти.

Томный как Вереницы евреев
мужчин и женщин с детьми
всех возрастов и мужчин с Педом
поворачивали с Глубокого на Мельно
и шли в свой папуцкий путь.

Мы, несколько мальчиков одной
гроз Курене вду, Биди Др вырели
с противоположной стороны Бидега Др
как мужчин и женщин с детьми
подводили к борну и распрямивши.

Мы вырели как немцы еще у мальчу
людей отирали ценные вещи концы
и берги выривая а уши, обрамивши
в большие веревки и увозили на
открытой бортовой машине.

Ни тебе еще всё это произошло
сейчас дороги, но это видно всё это
никогда не забудет. Потому что
дх злительному гудом сохранившиеся
Значит на старом еврейском языке
можно установить конец екорного
пути тысяз людей между мальчон
роцей и значитель дороги к борну

02.06.49.

[Handwritten signature]

Зайван Александр Александрович

Спогади в'язня Сирецького концтабору Давидова Володимира Юрійовича

В сентябре 1941 года я попал в лагерь военно - пленный под Переяславом. Лагерь представлял пространство под открытым небом, огороженное колючей проволокой; нас было до десяти тысяч человек. Мы не получали никакой пищи и ни капли воды. Нас перегоняли из лагеря в лагерь через Переяслав, Борисполь, Дарницю, Киев - на Житомир. Питались только тем, что по дороге нам бросало население - кусками хлеба, сырыми овощами. В женщин, бросающих нам хлеб, стреляли. Расстреливали из нас всех раненых, больных, отстающих, слабых. Иногда стреляли прямо в строй. В Дарницком лагере впервые нам дали похлебку, это было на 12-й день пленя. Посуды не было, ели из пилоток. В Киеве мы пробыли одну ночь на Керосинной, после чего нас погнали на Житомир; 7 дней мы шли по грязи под дождем. Из Киева нас вышло 6 тысяч, дошло до Житомира - тысячи две. На стоянках на ночь нас загоняли в конюшни оружием; в ужасающей тесноте люди давали друг другу, ломали руки и ноги. На месте каждой стоянки оставались десятки трупов, а покалеченных тут же и пристреливали.

Житомирский концлагерь размещался в трехэтажных казарменных зданиях. Из Житомира нас самолетом должны были отправить в Германию. Несколько из нас подкупив охрану, удалось бежать.

20 октября я был в Киеве, здесь около полугода я скрывался. За это время я связался с группой инже -

нера Виталия Письменного, существовавшей под видом технической артели "Будівник" / Короленко, № 71/. Артель имела фиктивное делопроизводство, для вида ве- ла некоторые работы, располагала штампом и печатью. Удостоверения артели спасли человек 20 от урона в Гер- манию. Члены артели распространяли сообщения совет- ского радио. Артель просуществовала с декабря 1941 г по август 1942 г. В августе Письменный был задержан следователем Гестапо - Жоржем Пувенко, как коммунист отправлен в Сирецкий концлагерь, где был убит при по- пытке к бегству. Артель прекратила свое существова- ние. Меня, как безработного, отправили на Львовскую 24 - пересыльный пункт для отправки в Германию. Там было сожато несколько сот человек, почти сплошь мо- лодежи. Нас били палками, предупреждали о расстре- ле на месте при попытке к бегству. С группой в 12 человек я бежал оттуда ночью через забор. Я стал про- бираться в Хабно / Катановичи /, куда имел от одного из членов артели явку. В Хабно я стал работать зав. клуба. Там я познакомился с группой врачей, держав- шей связь с партизанским отрядом. Я получил задание доставлять из Киева в Хабно медикаменты для передачи партизанам. В Киеве на Езбазе у человека, продавав- шего сахарин, я получал медикаменты. Под видом пере- возки немецких кинофильмов для клуба, я доставлял их в Хабно и передавал врачу села Варовичи - Неониле

Омельченко. Через Неонилу Омельченко медикаменты переходили к партизанам. Она же была и врачом партизанского отряда.

Всего два раза мне удалось перевести медикаменты. В третий мой приезд в Киев в марте 1943 г. меня задержал на Евбазе тот же Жорж Пузенко и отвел в полицейское управление / Короленко, 15/. Я там провел 9 суток. Я перенес там пытки, побои, издевательства, мне выбили там два зуба. Меня обвиняли в том, что я работник НКВД. Оттуда меня отравили на Короленко 33 - в Гестапо. Там был устроен быстрый допрос в 1 1/2-2 минуты. Допрос производил офицер при помощи переводчика фиксируя ответы на пишущей машинке. Мне задали два вопроса: 1 / национальность и 2/ работе при советской власти - после чего офицер сказал переводчику "здесь уже все оформлено". Меня унесли палками. На другой день нас, 11 человек, повезли в Смирницкий концлагерь. Перевозили нас в известной "душегубке", которая в данном случае была просто транспортом.

Начальник лагеря фон-Радовский со своим штатом, с овчарками, принял нас. Нас выстроили в шеренгу, проверяли по списку. С нас сорвали лучшие вещи, каждого били палкой по голове, испытывая, кто из нас свалится от ударов. Потом начали лагерную "зарядку". 10 штатных бандитов гнали нас под беспощадными ударами палок на протяжении километра. Команда все время менялась:

"кругом, ложись, вставай, бегом, гусиным шагом / на корточках/, рыбьим шагом / на животе/".

Люди не могли выполнить, путались, за что нас беспощадно били. Каждый тянулся изо всех сил, зная, что слабых убивают. Эта зарядка каждый день производилась для всего лагеря после работы. Пригнав нас к жилой зоне, нам дали ведро бурды из персидской мелухи и посадили в землянку. На утро нас распределили по работам. Я назвался плотником и это меня спасло на первое время от страшнейших побоев. Обычно работы были непосильны, кадетельски бессмысленны, людей заставляли носить землю с места на место. На носилки насыпали по 8-10 пудов земли и заставляли носить бегом, при чем били лопатами и стреляли. Тут же убивали. Иных и живыми закапывали в землю. Одному из таких закопанных живьем в землю Ефиму Вилкису удалось выбраться из под земли и спастись. Впоследствии он ударил вместе с нами на Бебьево Дня. Сейчас он находится в Киеве. За час или людей в коток человек 10-12 и били до тех пор, пока те не сдвигали коток с места. Часто приказывали заключенному взобраться на дерево, а двум другим - подпилить это дерево. Вместе с деревом падал и погибал человек.

Всего в лагере было 2000 человек, в большинстве молодежь. Из них 500 женщин. Все питание было: 200 грамм просяного хлеба, 1 раз в день похлебка-ба -

ланды, 2 раза в день кофе. Во время ходьбы с работы на работу, на обед и с обеда нас заставляли петь украинские песни. И вот наша советская молодежь пела советские песни и этим выражала свой протест. Любимыми песнями были "Катюша" и "Тачанка". Мне удалось дать о себе знать в Лабно. Врач Омельченко привезла ряд документов для массового побоя из лагеря, 2 советские газеты и партизанскую листовку. Это подняло дух заключенных в лагере.

За пять месяцев нашего пребывания в лагере - мы съели всех крыс, собак, кошек, птиц, которые попадали на территорию лагеря. Лагерь был обнесен колючей проволокой в два ряда. Между ними был еще 3-й ряд, по которому проходил ток 2000 вольт. Люди непрерывно в лагере менялись. Массами от истощения умирали, все время привозили новых. Через дорогу от лагеря - расположен Бабий Яр. Из лагеря мы видели, как туда систематически по вторникам и субботам приходили машины. Из них выбрасывали совершенно голых людей и расстреливали их тут же. 18 августа к нам в лагерь прибыла группа офицеров СС. Пошептались с начальством лагеря. Из нас отобрали 100 человек смертников из политических / коммунисты, евреи, советские активисты / Я тоже попал в это число. Нас привели в Бабий Яр и стали отводить по 5 человек для того, чтобы арковать в ножные кандалы. Потом дали лопаты и заставили раскапывать. Жили мы в землянке. Ходить в цепях было трудно, тяжело, на ногах от цепей образовывались ганы.

Только на 4-й день мы докопались до трупов и узнали, зачем нас привели сюда. Мы должны были откопывать и сжигать трупы убитых фашистами людей. С еврейского кладбища привезли памятники, на них накладывали рельсы и дрова, на дрова - ряд трупов. Все поливали нефтью. Потом снова - ряды дров и трупов. Получались огромные штабеля в 2-3 тысячи трупов. Все заливалось нефтью. Приезжал ктонибудь из немецких начальников и длинным факелом поджигал эту гору трупов. Немцы спешили потому что бои уже приближались к Киеву. Для ускорения процесса раскопок десятков тысяч слежавшихся и слипшихся между собой трупов, немцы применили экскаватор и взрывчатку. Трупы ващепляли и вытаскивали специальными крючками - баграми. Над всей обширной территорией Бабьего Яра стояло невыносимое зловоние разлагающихся трупов. Раскопки производились под наблюдением команды сплошь пьяных, отборных, окончательно озаверевших бандитов. Дикорядочно торопясь, они беспрерывно избивали нас. Не было дня, когда бы каждый из нас не получил 20-30 ударов.

В этой адской обстановке мы провели месяц и 10 дней. Вскоре после начала раскопок к Бабьему Яру начали приезжать дугерубки. Из них раздавались вопли и крики людей. Дугерубка останавливалась недалеко от нас. Немцы подходили и включали газ. В машине слышны

были сначала стуки, постепенно все умолкло. Немцы ходили вокруг машины, прислушиваясь. Через 15 минут, когда в машине было уже совершенно тихо, оторвали настежь задние двери. Мы видели там тела, совершенно голые, красные, еще потные, теплые. Тут были парни, девушки, дети, женщины с грудными детьми. Некоторые умирали группами, обнявшись. Тех, кто еще дышал, немцы истрелявали. В душегубке помещалось человек десять-20. Однажды, привезли в душегубке молодых красивых девушек с модными прическами. В последние дни душегубки стали прибывать все чаще и чаще, по десятку раз в день. Привозили людей в одежде, с документами, с различными вещами. Видно было, что немцы торопятся: слышна уже была артиллерийская стрельба

Нас заставляли вытаскивать и сжигать эти трупы. В запах разлагающихся трупов присоединялся запах жареного мяса. После сжигания оставались кости и драгоценности. Заключенных заставляли собирать золото. Число работающих увеличили до 300 - за счет мужчин, привозимых в душегубках. Нам было ясно, что с окончанием раскопок нас должны уничтожить. Все заключенные считали себя заживо пораженными. Наша охрана в официальных репортах называла нас трупами. Лишь немногие из нас упорно надеялись на возможность побега.

Группа в 7-8 человек стала организовывать побег. Инициаторами были, Кукля, Трубаков и я. Усло -

вия для побега были чрезвычайно затруднены: кандалы на ногах, в землянку, где мы жили, вели 8 ступеней вглубь. За нами запиралась чугунная решетчатая дверь на тяжелой замок. Снаружи землянку охраняли 12 автоматчиков. Команда СС, охранявшая нас, была предупреждена, что она будет уничтожена в случае нашего побега. Прежде всего мы решили подобрать ключ к замку. На трупах находили ключи, напильники, ножики, ножницы. Ключи пробовали во время обеденного перерыва. Несколько товарищей заслоняли вход в землянку, за их спинами один пробовал ключи. Через месяц ключ был подобен. Круг посвященных в план побега был ограничен: человек 50 надежнейших. Мы разделились на звенья по 7-8 человек. Приготовления к побегу продолжались. Мы стаскивали потихоньку в землянку доски, палки, камни. У Фрубакова, которому было поручено выдергивание золотых зубов у трупов, были клещи. Эти клещи, а также ножницы, ножики, напильники, находимые нами на трупах - мы предназначали для расклепывания кандалов. Раскопки подходили к концу, и день расстави над нами приближался. Медлить было нельзя. В ночь с 28 на 29 сентября мы решили бежать.

Открывал замок Кучля, просунув руку через решетку, ночью. При первом повороте ключа звук привлек внимание немецкой стражи. Товарищи начали звякать

ложками в котелках, чтобы обменять стражу. Теперь о побеге знала уже вся землянка. Кукля открывал замок 4 часа: от 12 до 4-х. Когда замок был открыт, все начали расковыряться. Начался шум, сильный лязг. Подшли немцы окрикнули. Через переводчика им об"яснили, что тут происходит драма из-за укрежденной кем-то картошки. Немцы посмеялись над "трупами". Дверь открыли и, как заранее было условлено, с шумом, с криком и свистом бросились на немцев. В немцев полетели доски и камни. Один немец выстрелил и был убит доской. Им предлогали взять немцев на испуг. Расчет оказался правильным. В первый момент немцы были ошеломлены. Однако, сейчас же началась стрельба из автоматов, в землянку бросили гранаты и осветительные ракеты, открыли стрельбу из пулемета. Прибыл отряд СС для того, чтобы изловить нас. Из 300 безавших осталось в живых лишь 14 человек.

Я с уцелевшими на моей группе в 11 человек товарищем Харочем - добежали до некоей хаты в поселке Сырец. На мне были только обрывки одежды и туфли, снятые с трупа. Нас приняла хозяйка хаты - Петренко /Тырнопольская 2/ и спрятала в курятнике. Вечером я пошел в город и подделал себе документ на имя Омельченко. В это время фашисты производили выселение жителей из восточных районов города, в массу выселяемых

затерялся и я. Немцы разыскивали бежавших из лагеря, пытаюсь определить их по трупному запаху. За поимку каждого из нас обещали награду в десять тысяч рублей. Но никто нас не выдал.

/В. ДАВИДОВ/

ДАВИДОВ Владимир Гресьевич, род. 1915 г. Состоял в Комсомоле с 1932 г. Машинист. По военной работе в бригаде комсомольцев "Волго-Саров".

Спогади свідка Ольгопільського гетто Гарбуза І. Г.

Спогади свідка
Ольгопільського гетто.

Я, Гарбуз Іван Тетасимович,
уроженець с. Ольгопіль Вінницької
області. В районному центрі, де жила
наша сім'я, ніхто особливої уваги не
звертав на націоналізм.

Мені незадоволю вчинилося
70 років, але я до цього часу малюю
своїх друзів. До війни це були:
Орловський Муча, Трон Вадим, Шой-
хет Ема, Вейцман Хайт, Востел Нюка,
після війни; Шнайдер Дуса, Мела-
муд Ева, Меламуд Тріція.

В єврейських сім'ях мені розяснили
значення слів: талес, мезуза, песах, тора,
талмуд тощо. Непомітно для себе став
своєю єврейську мову - їдиш.

Першою могою вчителькою була
Софія Леонидівна Вайсер. Це була
молода, гарна, середнього росту жінка
з сіримі очима й русими волоссями.
Ми були троєохомі занежани в неї. Я
не міг собі уявити, щоб прийти не підго-
товленим на заняття. Наша Софія так
цікаво розповідала про навколишній світ,
що ми з другом Орловським Мучем стали
мріяти про майбутні наукові відкриття.
Після уроків залізе того, щоб їти доволу,
ми прямували на величезне село,
тамнімалися на високій горі,
збирали знісі мінерали, обговорювали
майбутнє. Вона матері вишдала з
Кишине наше „дорогоцінне камення“ та
ще ладла за забруднені сукні і одяг.

І ось наступив сонячний горний
день - 22 червня 1941р. З гугменівців
пролунало новіземлення маркова
Мопотова В. М. про віраломентий напад
фашистської Німеччини на Радянський

Свіз. Її не пройшло і надіє на того батька мобілізували в діжку армію, а 26 липня 1941р наше село було окуповане німцями.

Діти мешканців стало розламенуватись зменшеними розпорядженнями команданта. Так, в одному з перших наказів вказувалося, щоб всі особи єврейської національності обов'язково носили на одязі шестикутну зірку Давида і переселились у спеціально відведені вулиці, так зване "гетто". За невыконання наказу грозило покарання розстрілом. Цей район села було огорожено колючим дротом і охороняли його озброєні вартівці. В ньому потрапили не лише місцевих мешканців, але й євреїв з інших місць України, Росії, Молдавії та Румунії.

Одного ранку я випадково став свідком того, як два румунські солдати вели на розстріл молодого єврея. Він маршувався з допомогою милиць і про сльози блять у солдатів, але ті навіть не слухали його. Через зверта години за селом пролунав постріл і згодом немовби повернулись вже без ув'язненого.

Окупаційна влада запланувала трагічну акцію - потоплення знищення всіх мешканців гетто. Дізнавшись про це довідалась єврейська община. Незабаром було зібрано чотири кілограми золота і вручено команданту. Діти в'язнів гетто були братоване.

З один із днів весни 1942р з гетто втекла єврейська сім'я Рахштейн. Співдалась вона з чотирьох осіб: дві дівчинки (Муса, 10р. і Клава, 7р.), їх мати Марія Янівна, 30р. і бабка Гітя Бенцівна, 56р. Дівчатка були бліді, проступилим, кашляли і раз по раз ринавали витирали свої мокрі носи.

Звісі члени сім'ї, особливо бабка, були жиди. На шкірі виднілись сліди розісування з мривою виваєсті Марія Дивіна розповіла про життя в гетто і як одного разу вона спробувала вийти до мамі татто, але її по доносу старого єврея на прізвисько Нюмес Лейба, зробили в шандармерії люто покарати шалювали.

Між батьки (українці по національності) вивічили надати притулок сім'ї Рахматейн. У того в цих намірах було троє неповнолітніх дітей, все таки не боялись порушити наказ окупантів, який під страхом смерті забороняв переховування комуністів, євреїв і маршуданів. Особам, які повідомлять властей про факт порушення цього наказу було одразу винагороду - корову і велику суму грошей. Довелося згадати і згадати мажоритовати, що у нас проживають евакуйовані родичі з Ленінграду. Потрібно відрізнити, що у нас ерзачий єврей переховувався, що четверо євреїв, в т.ч. двоє голубчиків з Румунії, а до цих-таки молоденькі командири

Пам'ятаю, як періодично пішли хату перевіряли окупанти на предмет того, є чи немає у нас схованих євреїв. Ми відповідали: "У нас кожен ніхт!". З цієї жє єврейська сім'я ховалась чи в ямі, міав чи під стіжкою соломи на городі. Такий отач тривав аж до визволення з окупації.

Обидві сім'ї харчувались за рахунок продуктів з присадибною ділянкою. Але їх не завжди хватало на двісті осіб. Тому доводилося одночасно займатись товароробництвом (бартером по території гетто). Мати дівчаток Марія Дивіна пероодягалась у поміщачу єврейську одягачу і,

замазавши обличчя сапеною, ходила разом зі мною по селах. Там ми обмінювали одні мило, сапеною, губки на борошно, крупи, молоко і т.п. При сторонніх я завжди називав її своєю матір'ю, а вона мене — сироткою.

При цьому ми мислювали, щоб не зустрітись з фашистами чи поліцаями. Зустріч з ними могла привести до смертельної небезпеки і мамі, і нашим сім'ям.

Возгорали обидві сім'ї пріями про щасливе життя після окупації. А проте, що нас звільнять ніхто з нас і не драв під сумнів. Мент лікарювали прозексію лікаря. Згодом цей прогноз такі здійснився.

На початку березня 1944р. ми з радістю поїхали далеким зуртій гармат. Найближчалоє найбо визволення.

Але ввечері 8 березня 1944р. по арчому нашій сусідки крамисти вдерлися в наш дім. На частя і цієї момент сім'я Рахматейн вступила сзвотисе. Нас не заарештували, і поїхали в приміщення тимчасової церкви, в якому вже знаходилося біля 30 ув'язнених. Було темць. Дім кригали, мінки йлаками. Поширилася хутка протє, що нас розстріляють. Тут тільки на обрії повіталоє всіх заарештованих поїхали в напрямку сусіднього села Стратієвки. На околиці цього села над нами з'явилося літаки з герваними зірками на крилах. Під кулетцям вогнем і видихали бамб коювоїран було на до ув'язнених. Скориставшись цим всі розбіглись. Щобре захекавшись, ми довгли от до протієнної околиці села Там на протязі двох неділів нас терохували нездорові люди.

Після звільнення від німців ми змогли повернутись в свою долину, де нас чекала сім'я Рахматейн.

В першій же день я поспішив
підняти на місце нашого ув'язнення.
Там ще й час розкопували велику яму
з трупами наших односельчан. Серед них
були останки мого вчителя Балачівського
Піі. Ачолівська участь грожала і нашій сім'ї.

Троїшов ще деякий час і ми з шалею
сочили, великим рапком провадили
шасливу сім'ю Рохитейн, яка від'їздила
вбодом в Ленінград.

Непомітно минали роки. Сестри
Муса і Клара вирости, здобули вищу освіту,
вийшли заміж. Тепер Муса носить прізвище
Кулецов, а Клара - Волк.

Муса зі своєю головою проживає
в Санкт-Петербурзі, а її молодша сестра
Клара - в США. Нещодавно вона
в Вашингтонському музеї холокоста
натрапила на матеріали про Олгонілля
сього гетто. В емоціях згоріла і своїм
сім'ю.

В 1995р. ми з Мусою Кулецовою
подували в наредітому музеї історії
села Олгонілля. На одному з стендів
маємоли матеріали про гетто (куки
колючого дроту і спосади одного з маршачів,
випадець в віршованій формі.

День до дня трилетіло вже 54
роки після окупації.

Після перемитого лихоліття і бідчо-
мусь до сестер Мусі і Клари як
до близьких родичів. Я називаю їх моїми
любими сестричками, вони мене -
братом. Наш спорідчило горе.

Олгонілляське гетто. Безумовно, що його
не можна ставити в один ряд з Бухен-
валдеом, Майданеком чи Бабьим
Яром. Але гетто в Олгонілі теж не
було курортом чи долиною відпочинку,
його жителі мали напівголодне існування,
принижену людську гідність.

Ув'язнені цього гетто постійно були призначені думками про те, що завтрашній день може стати останнім в їх житті.

Необхідно зберегти навички життя про концтабори і гетто, про страждання і загибель багатьох мільйонів євреїв та людей інших національностей.

Наближається міжнародний день визволення білжців франкстаских концтаборів - квітень 1998, і Велике свято - День перемоги.

Трохи редакція "Єврейські весті" поздоровити будучих в'язнів Олександрського гетто Кулешову Мусу і Клару Волк з цими великими датами в житті нашого народу. Мені невідомі засоби масової інформації в США і Санкт-Петербурзі. Мої листи туди приходять через багато часу - тиждень. Моя телеграма до Кларичого побігла ще в дорозі, хоча просило більше року.

Можливо чим в цьому доповіді Ізраїльське посольство в Києві?

Моя адреса в Києві: вулиця Гоголя, 11, кв. 202. Адреса Кларичого в США: 3932 SNIFFHILL DRIVE PLEASANTON CA 94588 USA.

**KLARA VOLK 3932 SNIFFHILL DRIVE
PLEASANTON CA 94588 USA.**

Адреса Муси: Нісович Кулешовой:

197372, г. Санкт-Петербург,
ул. Торжковская, 11, кв. 202
Кулешова Муса Нісовича.
кв. тел.: 2-46-32-97.

Моя адреса: 280016, м. Хмельницький-16,
бульвар Тернопільська, 20, кв. 5.
Гарбуз Іван Герасимович
кв. тел.: 2-14-44. 03822
р.т.т.: 9-11-52

Просьба вислати мені три номера газети з такою статтею "Спогади в'язня" через Хмельницьку єврейську общину "Тхі" з відбитком особистого Гарбузу. Я зв'язався з керівником видавництва культури товариства "Тхі".

Підпис

6.03.1998р.

Гарбуз І.Г.

Спогади в'язня нацистських концтаборів
Котляра Пінхоса Львича

Уважамий господин головний редактор
Левітає Г.М! Я обриваюсь к Вам, как быв-
ший узник организационных концлагерей моя фами-
лия Котляр Пинхос Львич (в лагере был Котляр,
Петрльвовая № 13771 ставил 13/с 13/а родился я в 1922?
в г. Умань, учился в еврейской школе; в 1938 году
когда захватили все еврейские школы я уехал в
эвакуацию учиться в ФЗУ; в 1940г. закончил ФЗУ
и пошел работать токарем по заводу. Когда началась
война 11 июля меня мобилизовали в Армию, ч 25 (или
нас уже бросили в бой, не обученных не вооруженных,
на 3 человека 1 винтовка. В нашей роты были одни
малышники 17-18 лет, но все равно не было, не хуже
взрослых. В Запорожье и в Милитаризованных
общах я был очень бедным бедняк, из каждого
полюка оставалось рота, много раненых, умирающих,
мы держали оборону Запорожья, больше преци-
позитивом немцев - нас выбили. Над нас немцы
били мы в одном месте не посмели это показать
Я был ранен в ногу и руку, раны были не смертель-
ны я еще там в сарае. В ноябре 1941г. был

Как тут же и без сознания попал в плен (2
Очулся в большом колхозном амбаре, нас там было
человек 500. Меньше всего заиками я сходата с моей
родим, немцы хавят меня востраиво, но они меня
козньми. Потом нас отправляют пешком в Запо-
ротное - без еды, но здрова ранены падают ми-
цы их дойти воли, я был французски здрова и
все выдержал. Потом пришли в Дмитровское
Кучю Тарьву, оттуда нас снова работаво на вы-
ван - перекаривать бензин из цистерн в бочки,
это очень тяжелый труд, Телоз, халоз - зимой тогда
были очень холодно. Там работали украинцы, и
еще одни лейтенант; комендант наши пикели
на черные фуфайки, здр того, чтобы не было
убежать. Мы там все так же убежали, но надо было
перейти через мост, охрана моста была в нагале и в
конце. В начале ездити по льду или нас проту-
чили, а в конце ездил немцы и украинский полковой,
лейтенант Крмен, у него на голове был волос, а
украинец снви с меня шапку, когда пошла
в е извили меня и отправил обратно в Тарьву

В 1942 г нас молодых полных вторыми в 3
Германию, до отправки повели в баню, перед этим боясь,
в неё ересь не похотию. Не шурт-вину, а светили
вас. В тюрьме много бань, что писали евреи,
Комиссаров, сбрили их называли Макалами,
— это были наши-русская, одной так же мы только
вздумали. А вот после бани были должны
были пройти Рейнскую, а впереди меня шел один
большого роста с белыми волосами, а профура
мне в белом коммуну и наш комиссар, немцы
закрыли Майн-дом и все заставляли, а
коммуну смотрят на немца; меня как будто
кто-то толкнул и в тюрьму, в тюрьме
я познакомился с одним мл лейтенантом ему
было 19 лет и с ним пошел в самый бо-
льшой лагерь Хамельбург в этом лагере
были все наши внешние тюрьмы, центральная в
том числе и Карбышев — он был особый
узел, он сидел отдельно — маленький барак
огорожен колючим проволоком. Нам

14
мощных братья на рубежу убрали лагерь, вырыли
траншею и еще раз накали рабство. Я и мои товарищи
тоской приближились к враждебному, где сидел
12 арбышев, и в конце с ними говорили.
Он был одет в серый длинный плащ без
пояса, он мне говорил: Меня никто не сможет
раскрыть секрет о борющихся срусских, хотя
русские меня расстреляют, хотя бы и не
не скажу, я не предаю свою родину!
Он меня расстраивал, как и прежде у немцев
он говорил: "Держи себе голову и не поддавайся
наши немцы в Америке и Англии, мои товарищи
войны, ты переди всем, будь осторожен, много преданных
сердц и друзей и создаст, кто будет все это
решать против советской власти, не слушаешь
и еще очень много. Несколько раз видел как
по всему лагерю возили сына Сталина
Ивана Дмитриевича, он был с длинными
руками и длинным шикель и с плакатом
"Я сын Сталина" — мой всегда дружил
по дог пропаганды. Случай много лет в Чехии
это это была правда. Раз везли нас много
наших на плечи в мошкель, как бы и не
болгарин или сербские пришло в Россию
маленьких отобранных работ и отправил в
Нюрнберг. Ути американцы напали бомбить
герода. нас разделили по командам на уборке.

после бомбежек - это была действительно очень хорошая
работа, так как мы находили еду. У нас был охранник
Курт, бывший вояка, речувиист, во швейцарском лагере
изуливал. Он заставлял нас слышать земности у убитых
нас; за это он нам давал еду. Через 2 месяца нас отпра-
вили в лагерь в Судетскую область на работу
работники Бергграбенштайн каздыни Штрауба
друзей каздыни Вацлавик делами делами дел
спарядок, работа была тяжелая, на там было много
пехоты и смешанные бригады. Немцы часто охотились
нас толкали и помогали. Немцы это узнали с нас
и нас отправили в Мюльберг. Там нас выстроили на
расстояние после бомбежки. Немцы имели возможность
клеточники с фундаментом на стене у дверей. Как
будто сирена они его хватают и бьют в бомбо-
убежище, но убежище было очень слабое и очень
много гибли. нас предупредили и кинули в
расстреляли. Потом нашу команду отправили в
Дамсдорф на завод Гиллер, моторов верке - токарем.
Там кривоводы были на работе, там еще работали сербы, поляки,
чехи, очень много немцев. Каждый месяц в лагере
привозили большую мясную - болонью с приправой
картофель, куриный бульон, макароны, консервы, газет
консервы, сигареты и еще много вещей, но все это
было не дайное б.е. русских - мы стали и обменивались
нам сказали, что мы не были знакомы с Кристианом Криво-
Скопым советником в лагере, ребята могли бы обменять
с нами, если бы мы были знакомы с этим орга-
низацией. На заводе работало очень много европейцев, они
направили на завод, немцы, они жили в лагере с
меньшей охраной. Русские жили в середине лагеря и лагере
эсэсовцы и на вышках с ними не было.

Оуманские шатрацы набитые соломой, и их бросают на
 правую и перекачивают в тарак - крайт еду, они
 пускались нас, мы были голодные, как звери, не обра-
 щали внимания на выстрелы, их услышав хватил в рот, это
 было твое; когда перекаживались к себе на нас набрасывались
 свои шакалы и врывались у нас, так было и в непроходимых
 тундрах, тундрами ула форма мерзлой бурды и во дворе возле
 шурки была целая куча снега покрыта, рдзали вилка в шур-
 метом. Несколько человек приехала на кучу крысы бурды
 немцы начали стрелять, двали чубасо, так они много чубасе
 еути и кровь текла на бурды. На следующий день голод по-
 ной меня на эту кучу - схватил в бурды. Одно убийство
 мне повезло и мне достался полубурды. Понер в восточ-
 ную и не могу поверить, что это было едой. Мой родина
 не знает, когда в рассказываю об этом. Когда немецкие
 начали бомбить Антадритур ходит режим эвакуировать
 завод и нас старались на то Гурманов и Г. Антадритур
 близко к швейцарской границе. В поезде приехали в завод
 Тиллер мастер и верке, обер мастер и мастер забрав
 всех илених рабочих и они меня узнали, нас было
 21 человек и нас отвезли на завод "Тар" - там работали фран-
 цузы и уфурис народы еврейки. Днем мы работали, а вое-
 ром нас отвезли в лагерь. Работали французы, взяли
 французу его звали Эмиле, они-то привелись и что поби вили
 и моровать Колелан вое и мотору он бросил тиллерван-
 куно тиллерван илени в Керосин, вставил в дурь в дурь
 и дурьван обили ружьями и его бросил в дурь и тиллер
 так целый день и вил этот Эмиле илени ели, это он
 и еще двое собирались бежать в швейцарию и хотел меня
 взять собой. А я подумал почему именно меня, потом понял
 почему. В назначенный день я вышел из дурь, они меня тогда
 меня перекинули через забор и спрятались на горюхи в овра-
 ней будра Меня перекинули в брестки и тиллер и тиллер
 доложи. Среди французов был один илени, он мог по звесткам
 определить место, где мы находимся и у них была карта.
 Тогда я понял зачем я там. Днем мы работали
 в швейцарии в овраги илени, а ночью мы шли, но надо было
 это-го Кутаб. У немцев в деревне вилени тиллер
 и есть лагерь (келер) там у них были разные закретки

свиная тушка, курица, утка, разные овощи. Для меня (7
это было новизной, у нас этого не было. Фирму эту
мыслил сделать Колвинский пластар, она была в окне в
подвале Крестова и меня спускали вниз на обмотку -
некоторые обрамлялись газом новыми батареями с обмоткой
и для нас отпустили отформованные бакки, сверху была сделана
намазка с резиной и с дзыжестом и крутилась
и все в темноте и джестом паху и в бакки можно
зубами и бросать в мешок, пахнет все время ваниль
кишаси - это было очень вкусно; со мной было
много - в весна чок. Добрались до Франции и удачно
перезаехали. Меня от нас застрелили, между тем, как мы
попытались из старика в Париж, там было еще хуже
сказка, тогда нас отправляли в Лозанну, там на карантин
там тоже были русские. Нам хорошо Картинами
нам обновили, это мы в Лозанне мытерированные
нам выдали американскую валюту фирму - там
что получил американец, фирму пополнил и другие
национальные валюты - мы должны были на меня
картинные нас по нашу Красную звезду. В
швейцарии нас очень хорошо Картинами, тогда нас
разбросали по разным городам. Я попал в 2.
Маршальское село Франции с Австрией. Там
мы работали на сельхозпредприятии, мне не заставляли,
но хотел заработать, они платили очень хорошо -
там я познакомился с одной еврейской семьей, как
были австрийские евреи из Вены - или мне Картинами
путь в Самосерию - там меня попросили, и мы
здесь, у меня на время Красные звезды, как в
молодое. Мы жили в хороших условиях, как
визованке не могли. Мы там хотели работать, кто
привести домой хатт томибура после такой войны. Нам там
давали подарки: обувь, продукты, рубашки и т.д. Триехом в
швейцарии, представителям Мейд и нагали нас готовили
ехать домой. В войну уже кончалась, мы заходили по субботам
в ресторан заказывали водку, пиво; у нас уже были деньги,
мы работали, а русские отдавали ките умелом и когда
мы собирались уходить - подходил капитан и говорил сейчас за
то что пришли, за вас уже у платили " мы сработали вместе
с другим отелем привелись в дом и показывали букву V

Викторина - Победе. Мы сами собирались. Покупали (Ф)
 деревянные вещи, там были дешёвые часы, но показывали хорошие
 часы - едем через Австрию, западную Германию, мне кра-
 ндети американцы, потом переезжаем восточную Германию
 мне свистят в честь из Красных вагонов и садятся в узкие
 теплушки и мне охраняют, как преступников. Работали в совет-
 ский лагерь и переехали 5 км в другой лагерь. Мне
 рассказали, у каждого было по теплушке у некоторых по 2
 мои показывали команду оставить теплушки направо, захо-
 дит Майор, ноги расставил, руки на зад и по форме,
 ну это доведётся - изметки родины, мы были хороши
 обуви - в мажоратах, твидных с галстуками. Потом майор
 поменяет на лево, 4 шага вперед шагем марш, теплушки
 остались. Отошли метров 20, мы видим, из-за наших
 теплушек дружок между офицерами. Мне повели в ба-
 ню, если можно мажор это баня, мне похвастали
 каменную расквара, потом острого нагого и дали
 армейскую форму В.У. мы куда-то вшли дружок дружок
 не узнали. Многие говорили они хуже французского.
 Это мне отобразилось, а в офицерах в концлагерь
 среди нас были Герои Советского Союза - ребята тех
 забиты и им не боясь бегали из лагерей и потом
 нас направили по расёды. В конце 48 летосоружков
 полк, но вскоре весь полк отправляли на аграру бывшего
 Берлина. После выступления Берлин в фрументе заня
 разделились. Я и еще три ездили на охраняли
 западной по ту сторону планшета была с американ
 склад зна, двое из нашего поезда ушли в американскую
 потом в узина, это из 75 км. Которые приехали из советской
 45 ушли в западную зону. Из-за берлин прямо в нас шла
 на каком в свете. Я писал в узину, в узинах, но никакого
 ответа не было. слезовато ребята. То в мае 1946 г.
 мой двоюродный сестре мне написали, что в узинах
 погибли мой отец, мать, сестра, а брат великий в советской
 кулд ему попал в подберезье, она случилась с
 Краснотом - он был десантник - эротик в Польше - была
 целая группа - Егосинморетиком - вбили все зубы
 русен изы как подберезье - он был молодой мена
 на в зоре - попал под колесо и попал в зорь нашего

потому что он был гомосексуалом. В декабре 1946г. меня делегировали
в Киев и я приехал в Одессу, брат меня уже тогда
у нашей сестры мучил позой, свою квартиру не считал этой и
и жила в виле. Комнатке с ежиком и мной брат. Я приехал
увидел своего брата и влюбился. Ему нравились брата и вгляд
лица: смуглая, маленькая, а здесь этого не было и он выехал
в Умань, там он познакомился с женщиной - украинкой
она жила в деревне, у нее было кароба, дом и он женился
сестра - жила в виле очень красиво, они жили там 5 лет
все: воспитание, красота, все с высоким образованием
старший сын окончил академию или техникум
помогал, оставался учиться в Киеве. Брат
умер 1992г. меня его уже не было, что он еврей,
он боялся признаться: сам занимался в академии
котом. работы в Тосбезопасности - если знаешь, что
он еврей и еврейки в плену, брата в виле не помню.
Никто не знает, что у него есть брат. В 1947г. в
поступил на завод токаря, потом стал малярским. На
одном месте проработал 47 лет, первые годы в сироте
сестра меня воспитала в НКВД, кем в виле я был
еврей, думал, что я еврей - чуждо мне еврейство, ...
Никогда не получал премии за хорошую работу,
всегда особый вид. Виле я в виле - все работы
удовольствие, что в работе лучше, а кто хуже получил
премию. А последние 15 лет это было с меня
сказал. У меня хорошая семья: жена тоже проработала 45 лет
в связи с этим пенсионерка, тоже 10 лет работала бухгалтером
Киев, сын виле хорошие. Мне вернули все награды
возвратились, ордена Отечественной войны 1 степени, медали
"За отвагу" и много юбилейных медалей. После пенсии
еще проработал 10 лет, потом заболел мне сделали
улучшения в сироте и запретила работы, у
каждой уже и где не работала, получила пенсию 70 гр.
увольнить пока не одобрили, так как заболела и
детей - они несут и так несут, но пока об этом не
думал. Я узнал, что немцы выжили в виле
узнал - но мне не известно, так как в виле в виле
и небыл в виле - в виле, о виле в виле в виле

Мам, эти ребята у Бюеров, хоть бы что, это Буруев.

10

В 1956 г. изложил книгу о Карбышеве, "Когда Кривошеин не
сдается" писатель Толубов С.Н., он так написал об этом
лагере. Хамельбург кем-то он там был, я ему написал
письмо, он мне ответил, известия книгу будет передавать
он слышит мой рассказ. Потом вышел журнал
"Родины солдат" - там есть мой образ не одессит
Третьяк, а смоленский пареню - я помню, тогда
было такое время. Писания Вам мое брат, если
Вы собираетесь написать в газете.

Я переписывал с Советским Комитетом ветеранов
войны с Смарновским С.С., с Митья Эренбургем, там
от всех от-в-д. Хотел добывать чего-то по катан
камня, это все напросто. Меня удивляет, что те
евреи, это притом орозиеткие лица и уехали за границу,
кошачьи кошачьи, и хоронили меня, а мы
здесь - бывшие узники нундальцев в подполье и нам
нигде не дают. Вы, уважаемый, как председатель
еврейской общины должны дать вавов, с вавов
уже нас осталось, еще несколько лет и никак
уже не будет

Извините, если не так складно написано, это
едва всякая, дай того, что в переписи

с уважением Вам Левин Л.

270069 Одесса-69

М. Кюри, 60, кв. 159

Коллеж Т. А.

Спогади в'язня нацистських концтаборів
Кравцова Михайла Юхимовича

№ 187 Уважамельне товарищи! 1
 Отвечаю на ваше обращение опубликованное
 в „Правде Украины“ за 16 ноября 1993г.
 Я о давно вспоминаю те годы и то ~~что~~
 что пришлось пережить в то ~~что~~ ~~и~~ ~~то~~ ~~и~~
 время фашистской оккупации.
 Для начала пару слов о себе.
 Родился в 1927г. в бедной еврейской семье.
 Кто же я, как человек, гражданин бывшего
 СССР, а теперь „гражданин независимой
 вільної України“? Я сам себе дал ответ,
 может быть не вполне правильный.
 Я продукт нашего общества.
 Так кто же я?
 Национальностей - еврей. Учился в украинской
 школе. Родной язык - русский.
 В паспорте пишу - украинец. (Изменил
 национальность в связи с обстоятельствами.)
 Но о чем я пишу - это не послуживший
 рассказ очевидца, а лично пережитое.

2 Это жилая история еврейского народа
во время оккупации, единицы которого
по воле случая остались живыми.

Родилась в Николаевской области. Отец умер в
1933. Мать, спасаясь от голода, переехала
в Донбасс в Алчевск. Работала в сталовой
литейной уберницкой.

1942 г. Родина находится в 35 км от города.
Нас, школьников, направляют на сельскохозяйственные
на Старобельщину в село Шинцерово.

В то же время немцы начали очередное наступление
и нам в качестве выданных справок и отпуском
домой. Мы сгрудились в мешок
двинулись домой, а это примерно 150 км.

По дороге в направлении Ворошиловграда
днем и ночью двигались обступавшие
военские части. Под Новой Андрием
нашу группу неожиданно обстрелили немцы.
В сражении мы разбежались по полю.

Меня позвонили собрать и довели до Ворси³
ловграда. Оттуда непрерывным потоком
уходили в российском направлении гражданские
и военные. Безпрерывно, была за нами
налетали немецкие самолеты и бомбили
этой легкой пехотой. За давностью я
не помню даты, но немцы нас захватили
в с. Турюково. На окраине с. Ровенки
на кукурузном поле охраненом колючей
проволокой немцы стояли наши и гражданские
и гражданские лица. Меня, как мальчишку,
какой-то офицер сруб за шиворот и
минуту под зад вынул из оцепления
со словами - „Нах магна, бисеро“.

Водитель с приключением я вернулся домой.
А в это время немцы с помощью полиции
наводили в городе порядок.

Всех евреев собрали на окраине города,
в Северном поселке, и разместили в
бараках охраняемых полицией.

4. Впоследствии всех уничтожили.

А так как у майера франшизе русское (Кравцова) и соседи не выдали ее, она была на свободе. Возвратившись ребята рассказали майеру как мы пытались подстеречь но живей я или ней не знает.

Меня считали похитителем. Каждую неделю нужно было ходить в полицию отмечаться.

Из-за страха быть наказаны за укрытие евреев хозяева (жили мы на частной квартире) предлагали освободить комнату.

Поселились мы в брошенном флигеле.

При очередной регистрации женщина, знавшая мать, заявила на нее в полицию и ее арестовали. Содержали в городской тюрьме. Что бы прожить я уходил в село, выдавая себя за безпризорного.

Я не могу описать условия содержания арестованных, но вы помните.

Часто ночью арестованных выводили на

~~Он~~ расстрел в Карьер, который находилась в 500-х метрах от тюрьмы. В декабре 1942 года мать выпустили. Прошло 50 лет, но подробности возвращению никогда не собираются в память. Меня часто жена упрекает за то что я никогда не рассказываю детям, внукам о прошлом пережитом.

Дай бог что бы новое поколение не видело и не пережило такое страдания и мук, которые пришлось пережить нам.

Я не знаю как она прошла от тюрьмы до фронта. Ноги были, как колоды, распухшие, синие-черное от морозов лицо, а волосы на голове превратились от изобилия вшей.

От невыносимых мук и издевательств в тюрьме она пыталась покончить собой.

А вечерами напянух танцы полицаи.

Теломал единственной табуреткой и стол сделанный из ящичков, развил окно. Во дворе стояли румынские солдаты. Они прогнали полицию

и толстыми досками забить окно. Через несколько дней снова вечером нарядили полицаев и немецкий офицер. Все "работу" делал полицаев, а немец стоял в стороне. Было холодно и я был одет в пальто, но ногае один итальянский ботинок с шипами и шаптерский чалом, рваная шапка. Во так я выглядел.

Полицаев начал срывать пружины которыми была укреплена дверь, а потом прикладом ударил меня и я вылетел в коридор. Немец ногой ударил меня и начал что-то говорить, показывая на дверь. Ой испрела я вскочил и выскочил на улицу. Испрелом полицаев. В темноте я добрался до ж.д. станции. В это время шла погрузка в вагоны людей выводимых в Германию. Меня втолкнули в общую толпу и я оказалась в вагоне.

Так я очутилась в Киеве на Львовской 24. Это было в первых числах января 1943 года. А поименно поэтально был Тереминин, Краков,

7
Берлин. Когда меня спрашивали национальность,
я говорил - украинец. Берлинский лагерный
номер был U-752 8.2.43. За это время
я превратился в наглядное пособие - скелет
одетый шкурой. Видно поэтому, когда
разбирали на работы, меня оставляли доходить.
С Берлина меня взяли на работы в сельское
хозяйство с. Земригце (Шверин на Варте)
Поселили в бараке обнесеном колючей проволокой
где находились еще 40 человек русских бывших
пленых. Двух русских парней и булатные майфранцы
были нашей поселью. Хозяин, крупный
земледелец по фамилии Дейг владеет
землей в с. Альтефрино и Земригце.
Свое первое знакомство с работой я получил
когда меня заставили вести быков в Альтефрино
в кузницу для подгонки сбруи. Вырвавшись
от меня быки начали бегать по полю.
В это время и появилась на мотоцикле

в жиды и следом и управившими.

Первый удар веревкой и плетью по голове и плечам. Больше я ничего не помню.

Окинувшись на землю, Телмита мучили мне руки и лицо своими шершавыми языками.

Потом были еще уроки жестокости. Два года я пробыл в Терманих в прямой ссылке как раб, выдумав легенду безпризорника кто бы не узнали что я еврей. Некоторым в лагере догадывались по физиологическому признаку шутки (обрезание) но не выдавали.

1го февраля 1945 года меня освободила Советская Армия. Затем в летний сезон в армии и в апреле 1951г. вернулась снова в свой город где живу и работаю по сегодняшний день. В этом письме выслано фотокопию (оригинал как памятный сувенир) во время пребывания в Терманих.

Если мои воспоминания будущей пользе в вашей благородной работе я буду доволен.

С уважением к вам
Кравцов Михаил Сергеевич.

9

Мой адрес.

349101 Луганская обл. 806442

г. Анновск, Проспект Ленина д/кв36

телефон 2-94-34 "УМОН"

P.S. Пользуясь случаем обращаюсь к общественной организации "Международный союз бывших малолетних узников Франции" находящаяся по этому же адресу.

На Украине существует организация БАС которая проводит регистрацию лиц - бывших узников, оstarбайтеров для получения компенсации от правительства Германии.

Для этого нужно подтверждение - справку (как будто немцы выдавали) о пребывании в Германии в период 1941-45 годов.

Я обращаюсь в городскую, областную, по месту

10

рождения КГБ, в обществе Красног (Кресина),
в ЦАМО г. Подольск, Нигде в списках
не значусь. Натисал в Терманино г. Армаген
оказаться некий. "Правда Украины" на мой
вопрос к кому обратиться молчит.

Может быть вы через газету подкажете
как доказать очевидное справкой, поэтому что
таких людей еще много. 45 лет, как излов,
их укоряли за то что они были в Терманино,
а теперь необходимо подтверждение.

Ведь в армии в органах СВ/ЕРМ, а на
гражданке в КГБ на каждого из нас
имелось дело. Заранее благодарен.

Иван Фролов

дядя Смердяков

с. свд. - с. 10. 10. 10

арм. интел.

информ. интел.

Спогади в'язня нацистського концтабору Дахау
Поліщука Якова Мойсеєвича

1.
Май, 1941 год. Проходять екзамени.
Заканчиваю 9 класс 77 средней школы.
Впереди каникулы. Тепло, солнце, Днепр.
Каждый год летом меня и мою сестру
родители вывозили на отдых в небольшой
лесистый городок. Кордатычев, это
недалеко от Житомира.
В районе Метерев научился хорошо
плавать, и затем в обществе Димана
в Киеве участвовал в соревнованиях
и показывал неплохие результаты по
тем временам. После войны, работал
на музикальной фабрике. Музыкомбином
был землячком общества «Красная звезда».
Участвовал во многих всесоюзных сорев-
нованиях.
В основном мы собирались на спортив-
ной площадке клуба строителей, который
находился в проходном дворе с улицы
Меринговской (Зенковецкая), где я родился
с впадком на Крещатик №2, где во дворе
распологался Еврейский театр.
Здесь на спорт. площадке тренировались
и часто встречались с Григорием Новаком,
Яковом Куценко, Изей Барканом (был
землячком сестры приехал в вёду).
В городском дворке, который находился
по ул. Николаевской (Кара Маркса), смотрели
вместе землячки Иван Голдубинский, Вадим
Козина, Шульженко Клавдия и ее муж
Коралли.

Тел кантер из прибалтики еврейские песни, 2
Выступления Леониды Утесова с оркестром,
Томара Ханум, а так же многие другие
артисты, концерты которые проводили в
клубе Мицкевичков (случай).

Большой успех имела водная попламка
в чирке, в осовком все концерты проводили
с большим успехом.

Максвел Киевского военного округа,
Александр Гананичев и Гелюскинчев, многие
военные парады, проводили по нашим глазам.
О войне вспоминали, что она где-то в Испании,
Абиссинии, далеко от Киева.

В воскресенье 22 июня 1941-го долгие
был состоялся футбольный матч между
Москвичами и Киевлянами, на тогда Крас-
ном стадионе по ул. Красноармейской.

22 вот первые известия о войне.
Сражения болели узловые станции под
Киевом, некоторые объекты в самом Киеве.

Люди ехали у репродукторов, слушали
выступление В. М. Молотова о вероломном
нападении Германии на Советский Союз.

Началась Великая Отечественная война.
Нам, тогда было по 16-17 лет.

Молодежь через военкоматы отправляли
в поля на фронт.

Многие оставались в Киеве, вступали
в ополчение.

При Бегерском Райконе НКМ создавалась 3-я группа Оборона.

При школе организовывалась военная часть противовоздушной и воздушной обороны. Находились на казарменном положении, носили противогазы.

Расположились: угол Розы Люксембург - Октябрьской Революции 25. Занимали весь I этаж этого серого дома. 24/4.

Киев готовился к Обороне. Мы дежурили на Красном Дворе, у газон и бомбоубежищах.

Была сформирована команда, обучена с орудий города немецкими войсками.

В гомосеевском лесу отгрохали укрепления.

Францисты приближались к Киеву.

18 сентября 1941 года, вместе с войсками регулярной армией, войсками НКВД, пресекли Днепр и окончились в районе г. Борисполь.

Соблюдая тишину. Нам выдали 5 зарядные винтовки, саперные ломы.

Кончили дзюдо.

Неравный бой, окружение, плен.

Францисты знали наших военнопленных в районе г. Бровары.

На территории парка и сада, это находилось в лесу, немцы соорудили огороженный колючей проволокой и вышками. Лагерь военнопленных. В лагере находилось не менее 100.000 военнопленных, попавших в окрестности.

Труднейшие условия на вышках с
проекторами, охрана с собаками.
С ближайших сел Киевской области при-
езжали старосты, забирали своих людей,
но таких случаев было немного.

Находясь за колючей проволокой без пищи,
воды. В невыносимых условиях наши
солдаты и командиры, еще полководцы
не осознали, что им предстоит и как
это все произошло.

В лагере появились предатели, полицай,
прислужники фашистов, они выдавали
своих же солдат на верную гибель.

Совершив побег из лагеря было не
так просто, на каждом шагу подстерегалась
смерть. С каждым днем людям стано-
вилось все тяжелее.

Надеялись на какое-то чудо, но чудо
не было.

Нагаль голод. Товарищи, друзья ближайших
сел приезжали и лагерю, искали своих
близких, через проволоку провалили плетням
хлеб, картофель, немцы отгоняли, загася
стреляли.

День 26 сентября 1941 года, мне заключительный
на всю жизнь.

Тяжелые долги и страшные муки в
Броварском лагере военнопленных, полицай
и предатели, пособники фашистов,
выбрасывали на круг лиц еврейской на-
циональности, политработников, комиссаров,
а это верная смерть.

Недавно они вместе слухили, а сейчас ⁵
они в белых повязках на рукаве сдала
французам своих же товарищей на
верную гибель. Продались французам
эти подонки и шукуры за дополнительные
батануы. Сдесь же не вдалеке слышались
выстрелы.

В серое раннее утро, еще стелился туман
и не сетко прояснаться проволок.
Не вдалеке, в углу, почти по соседству с
товарищи сданами лагу.

Несколько словен уже выбрались, а я все
думал, куда они движутся и я же ними.
Мне удалось уйти от верной омерги.

Это была мой первый побег с лагеря.
Путь мой был в Киев. По дороге кормил
морковью, не убранными бурляками, в то
время это была самая лучшая пища.

В Киев добрался через двое суток. Останов-
ливался в некоторых селах под Киевом.

Чем ближе подходил к родному городу,
тем сильнее показывалось красное
заревое. Не мог себе представить, что горел
Киев. Сутки провел на Духановом
острове, а затем перебрался в раздвалку
пещера. Оказалось, что в этой раздвалке
был не один я, а еще два подростка
еврейской национальности.

Октябрь-месяц, становилась все холодней.
В Киев перебрался в район подولا на
единственном мосте, который переправ-
лялся через Днепр на Нижний Вал, если
не ошибаюсь или Верхний.

Вышли на третий базар, обменяли картошку,
на хлеб. Базар был многолюден.

Ходили милиционеры с белыми повязками.
Двое из них нас остановили. Вопрос?
Документы, кто такие? Долго не думая,
я рванула в сторону троллейбуса, только
слышал крик: Стой!

Ноги меня унесли по ул. Кирова к набе-
режной в сторону Франкунера.
Судьба тех двух подростков мне не
известна. Их нерешительность оказалась
на месте.

Горел Хрещатик и прилегающие к
нему улицы.

Идя вверх по ул. Кирова, встретил Елену
Тимофеевну, бывшую нашу швейцарку по
дому. Она мне посоветовала уходить из
Киева, иначе, сказала, пойдешь туда,
куда ушли все Ваши - в Бабий Яр.

Зашел к своему другу по школе Виктору
Цанко, который жила на территории вокза-
нала, его мать также посоветовала уйти,
дала мне кое-какие теплые вещи.

В районе дворца шенеро (Силоратонки)
встретил Ивана Курбича, бывшего урядника
79 ср. школы, он оказался служил в полиции
носил карабин. К счастью меня он не
узнал.

Хрещатик горел. Люди жгли на
Петровской Аалее, на склонах Днепра,
езде, где можно было повесить
полатки.

Прошел по ул. Мережковской, спустился
и Бессарбке, по б. Шевченко, Кружковской,
Ситцевской, где прошли детские годы.

На пл. б. Хмельницкого тоже стояли
палатки, в них жили погорельцы с
центральной улицы.

Владимирская горка, снова годы,
народ, и прощай на долгие годы
родной город.

Принялось с ними встретиться только
в конце 1942 года на развалинах Кружа-
тика. А за прошедшие годы было все,
а больше плохого и тяжелого.

И снова вспоминаю.

Стало холодно. Спаслись от холода и
голода, можно было только среди людей
в селах. Таких как я было немало,

Зима 1941 года была суровая.

Благодарен от души и сердца добрым
украинским людям из сел: Богребат,
Зазвине, Вегуровщина, которые не
дали умереть с голода, замерзнуть, они
могли помогали, кормили, а я им платил
и помогал своей работой по хозяйству.

Долгое время жил у бабушки Анкулины в
селе Зазвине, которая спасла меня от
верной гибели. Вместе ходили по окрестности
для теплых пед. Жила она одна на
краю села.

У этой старой женщины, сын был пощачей,⁸
и когда он ее навещал, видел меня.

Он не жил с матерью. Часто спрашивал,
кого прядишь? Мне известно. Оставабавь
стало опасно.

В средине 1942 года я ушел из села.
С благодарностью и любовью полню эту
старую украинскую женщину, ее руки, гру-
женную, лицо в морщинах и ее светлые
глаза, бабу Акулину из села Газимире Киев.
область.

В зимнюю холодную и голодную февра-
льскую ночь мой путь лежал на Воевок.
На мне была теплая, триножная
обмотка, на ногах подвязанные ко-
лени. Так я и дошел в згуровский
р-н, тогда холмской области в совхоз
"Красное отделение".

Здесь жили и работали в отведенных
бараках наши военнопленные.
Срашнбавь навещались сюда редко, тогда,
когда нужно было что-то увозить, грабить
у местных жителей.

Работал водовозом на волах, часто шел,
танцевал, выдвигал гэгетку.

Ходил по селам, выпрашивал куски
хлеба, вспоминаю село Оржица, где
жили болючие бавь, но люди хорошие,
помогали. Все приносили в барак,
делили между товарищами.

Летом 1942 года военнопленные
увозили в Германию.

9.
Была проверка, отбор военнопленных.
Благодари наших товарищей, меня вывели
вместе с ними. В скотных вагонах без
пищи, воды, все дальше от Тодины.
Многих не держалось от долгого пути.

Часто думали о победе, но только в мыслях.
Вспоминали родных, близких, а эшелон
все шел на Запад.

На остановках из вагонов выводить не
разрешалось, предвещалась смерть.
Привезли нас в небольшое местечко Кюндорф
на деревообрабатывающую фабрику древесины.

Тотом узнали, что мы в Австрии.
Всех, как рабочую силу приобрел нас
шеф этой фабрики.

Жили в бараках, кормили отваром
дрожжей, колерабой, хлеб - 100-150 грам с
остатками. Работали в лесу на лесоповале.

На ешине одежды надпись КВ (Кригсверан-
ген), военнопленный.

За людей нас не считали, унижали, часто вы-
зывали в вайдармерию.

Жили сурово держались вместе, все время
товарищи из кубани. Они знали кто я и
помогали мне. Часто приходилось бес-
едовать, вспоминать прошлую довоенную
жизнь. Говорили, что всё это временно,
нас еще освободят.

В торговлю города Клягенфурт, где
находилась гестапо. первый раз я
пошел по чужому одному из военнопленных
из западной Украины. Он оказался
осведомителем и предателем в бараке.

Вывозили на гестапо, допрашивали о
связях, о пропаганде среди военнопленных.
Допрос сопровождался избиением и
насилием. Более двух месяцев пробыл
в этой тюрьме. На стенах камер надписи
тех, кто больше не увидит ни солнца ни
света. Надежды я не терял.

Бранных доказательств гестапо не
имело ко мне.

В конце 1942 года был освобожден и
направлен в небольшой городок Брюкль
в Австрии, на небольшую фабрику по
обработке древесины (фирма Альбин
Тратцер (шваб)). Малый труд в лесу.
Погрузка леса в вагоны

На фабрике работали вывезенные
из Крыма лица татарской и русской
национальности. Ноесли наши в "ССТ"
даже навевались фараоны из местных
полицей. Фанат стали захватывал, после
тюремь было легче.

В начале 1943 года на фабрику снова
приехал гестапо, снова я был арестован.

Допрос, избиение, та же камера,
те же надписи на стене.

8 декабря 1943 года был заключен в
концлагерь смерти Дахау.

Тотом узнал, что лагерь находится не
вдалеке от города Мюнхена.

Связали нас наручниками по двое.

Конвой: газовые СС с овчарками.

Везли нас в Мюнхен в красивых купей-
ных вагонах.